

О. Ю. Малинова-Тзиафета

Катастрофическое наводнение 1924 года и городское хозяйство Ленинграда — была ли катастрофа?*

Слово «катастрофа» так часто употребляется в обыденной жизни, что вопрос, что же есть катастрофа и как отличить ее от не-катастрофы, на первый взгляд, не кажется удачным. Однако современная социология, работающая над проблемой стихийных бедствий, предлагает полезные идеи для историков. Так, даже катастрофическое наводнение в Петербурге-Ленинграде не всегда становилось катастрофой в социологическом смысле. Статус катастрофического присваивается исходя из того, насколько высоко вода при наводнении поднялась по уровню ординара, т. е. катастрофических наводнений в Петербурге было всего четыре (1777, 1824, 1924, 1955). При этом наводнение 1824 г. сопровождалось многочисленными жертвами среди городского населения, а в 1955 г. жертв удалось избежать вовсе. Социологи же показывают, что статус события конструируется социальными акторами исходя из определенных ценностей и потребностей. Так, одним событиям присваивается значение катастрофы, а другим — нет. Определение катастрофического события как нерутинного, драматичного и угрожающего системе как будто претендует на некоторую объективность, но не вполне учитывает мощное влияние публичной коммуникации на оценку события, пути его преодоления, дальнейшее использование

* Эта статья обсуждалась на заседании памяти Юрия Николаевича Беспятовых в ходе III Петербургского исторического форума (октябрь 2024 г.) и посвящается ему как историку и прекрасному человеку и коллеге.

элементов этой коммуникации катастрофы¹. Получается, что понятие «катастрофа» в целом субъективно. Важно, однако, что, оценивая событие как катастрофу, подобно обозначению части своего личного опыта как испытания, автор текста или высказывания проводит границу между моментами исключительного и обыденностью². В какой же степени наводнение 1924 г. в Ленинграде можно считать катастрофой?

В этой статье наводнение 1924 г. обсуждается в контексте других катастроф — наводнений и эпидемий, которые случались в городе в XVIII — начале XX в. Субъективность их восприятия как катастрофы/не-катастрофы ранее не становилась предметом специального исторического исследования. Преодоление последствий всех этих (природных) катаклизмов всегда затрагивало сферу городского хозяйства. Повальные эпидемии обостряли требования к строительству городских инфраструктур и оздоровлению города. Петербургские наводнения производили большой резонанс среди читающей публики в мире³, требовали масштабного ремонта городской инфраструктуры и каждый раз актуализировали вопрос о строительстве защитных сооружений. Следуя социологии и истории катастроф⁴, наводнение 1924 г. должно было послужить катализатором для дальнейшего изменения ленинградского общества. Однако в первую очередь естественно предположить, что должны были измениться структуры городского хозяйства. Трагедия всегда становилась катализатором для дальнейшей социальной или научно-инженерной активности, пусть и теоретической. Правда, в Петербурге научные и общественные дискуссии о строительстве защитных сооружений от наводнений (начиная с катастрофического наводнения 1777 г.)⁵ и строительстве канализации (начиная с 1830-х гг.) так и не перешли в фазу окончательного выбора общегородского проекта вплоть до революции⁶.

Вопрос о том, можно ли считать наводнения в дореволюционном Петербурге катастрофами в социологическом смысле этого слова, изначально дискусионен. События эти бывали крайне драматичными для пострадавших, однако при этом их едва ли можно считать нерутинными и меняющими систему. В высочайшем рескрипте Александра I на имя князя А. Б. Куракина небывалый подъем воды 7 ноября 1824 г. назван «внезапным и необыкновенным наводнением», а далее следует ссылка на Божию волю, т. е. на обстоятельства непреодолимой силы⁷. О нереализованных инженерных идеях защиты города от наводнений здесь, разумеется, умолчали. Эта ссылка на неотвратимость наводнения и заботу о пострадавших, но полное отсутствие обещаний предотвратить подобное в будущем говорят об отношении к наводнениям скорее как к неизбежной рутине. Действительно, сезонные затопления города были более или менее масштабными, но они случались регулярно, каждую весну и осень. Первое наводнение произошло в первый же год после основания Петербурга (1703)⁸.

Идеи перенести город в другое место не встречали поддержки, так как первичными были интересы порта, морской торговли и военного флота⁹. Но тем не менее в публичной коммуникации, т. е. в официальных документах и газетах, наводнения, рядовые с точки зрения гидрологов, все же могли обозначаться как словом «катастрофа», так и его синонимом «несчастье»¹⁰ — или не называться так напрямую, но обсуждаться в значении бедствия, резко нарушившего привычный порядок жизни.

Публичные оценки событий как катастроф много говорят о ценностях социальной группы, которая обсуждает этот вопрос. Например, наводнение 1721 г. произвело самое сокрушительное впечатление на влиятельных современников, и их записки позволили современному петербургскому историку Ю. Н. Беспятым назвать его катастрофическим¹¹. При этом в сугубо научном смысле оно причисляется к особо опасным. Уровень подъема воды во время этого наводнения исчисляется по-разному¹², но самый высокий показатель был значительно меньше 299 см по ординару. Ю. Н. Беспяты исходит из впечатлений, описаний и оценок нанесенного ущерба, приданных событию в записках множества известных современников, среди которых Ф. Х. Вебер, Ф. В. Берхгольц, А. де Лави, а также знаменитые ученые И. Г. Лейтман и Л. Эйлер, а позже — бытописатели В. Л. Крафт, И. Г. Георги, Н. Н. Головин. Кроме привычных подробностей в виде залитых водой жилых высоких комнат, свиста ветра и размытых улиц, большое значение в записках о наводнении имела гибель множества судов, стоявших на Неве, в том числе военных¹³. Одним словом, наводнению был присвоен статус катастрофического на том основании, что изначально его мощь и разрушительная сила были отмечены в записках иностранцев, доносивших о важнейших событиях в России, знаменитых ученых, а также потому, что разбитые военные корабли были ценностью для Петра и его окружения и их потерю переживали тяжело. С идеей Ю. Н. Беспяты считать наводнение катастрофическим позже согласились гидрологи Т. А. Малова и А. А. Родионов, также занимающиеся историей петербургских наводнений, в том числе на основании того, что уровень суши в городе был существенно ниже современного¹⁴.

Понятия «катастрофа» и «несчастье» в дореволюционном Петербурге, без сомнения, соотносились с сословным разделением общества. До известной степени это было обусловлено пространственно. Районы дореволюционного Петербурга не имели явного деления на бедные и богатые в том смысле, что в одном и том же доме могли жить состоятельные семьи (в бельэтаже) и рабочие (в подвалах и под крышей)¹⁵. Однако разделение по имущественному признаку все же сказывалось в пространственном отношении на степени опасности района в случае сезонных наводнений, а также загрязнения органическими остатками¹⁶. Бедные районы невская вода заливала часто, а богатых она не коснулась даже при катастрофическом наводнении 1824 г. — это описал еще А. С. Пушкин в поэме «Медный всадник».

Если наводнение было относительно рядовым, то, например, аристократическая публика не склонна была уделять этому событию большого внимания. Даже серьезное наводнение 1903 г., впервые зафиксированное на фотопленку, обсуждалось в издании «Новости и Биржевая газета» всего пару дней. А сильный паводок в Сандомире, когда под водой длительное время стояли около 40 деревень, не назван ни катастрофой, ни несчастьем. Рассказ о нем в «Новостях и Биржевой газете» краток и относительно бесстрастен¹⁷. То же, по замечанию историка и географа Дж. Бейтера, происходило с эпидемиями заразных болезней. Например, повальная эпидемия холеры 1892 г. оказала огромное влияние на города в Европе¹⁸. Но она не сплотила городское общество Петербурга вокруг выбора проекта канализации и масштабного решения других городских проблем. Напротив, высшее петербургское общество в своих газетах на дорогой бумаге получало об этой эпидемии лишь самую скучную информацию. Крестового похода против холеры, т. е. объединения творческих сил ответственности и инвестиций со стороны капитала во имя строительства канализации, так и не случилось¹⁹. А вот в дешевых газетах для условного среднего класса не только эта, но и многие другие эпидемии обсуждались как «бич» городов и деревень²⁰, т. е. как обстоятельства непреодолимой силы. И это несмотря на то что бедствия эти имели инженерное решение в виде защитных дамб, а также канализаций, водопроводов с очищенной водой и других мер по очищению городского и жилого пространства от органических остатков. Однако в Петербурге до революции не была решена ни одна задача по модернизации города²¹.

Сословный характер катастрофы в виде наводнения, рядового или катастрофического, проявлялся в том числе в том, что в первую очередь это была катастрофа для бедноты, которая очень мало затрагивала жизнь аристократии и социальных групп, составлявших разобщенный и условный средний класс. Журналисты часто намеренно обращали внимание читающей публики на бедственное положение подвальных жильцов (25–35 тыс. на 1899 г.). В статье «Наводненные подвалы» в дешевой газете «Петербургский листок» (1872)²² и серии очерков «Наводнение» (1903) в более дорогой «Новости. Биржевая газета» рассказывается, как, бывало, свист ветра мешал обитателям подвалов вовремя услышать сигнал о наступлении стихии, и вода врвалась через низкие окна прямо к спящим людям. Без сомнения, для самих бедняков это была катастрофа: ведь, как заметил журналист, «стоит Неве-матушке побежать вспять, им приходится начинать жизнь сначала», а ведь «жертвы стихии» не ожидали такого «несчастия» (синоним слова «катастрофа»)²³. Так обыденное явление превращалось в исключительное, чтобы подчеркнуть отчаяние бедных людей и побудить городские власти начать решать социальную проблему наводнений.

Обычно дореволюционные авторы описывали наводнения не как катастрофу, а как «надвигающуюся стихию», «опасность» (последним словом обозначались также пожары)²⁴, что можно идентифицировать как удачную метафору,

а также и как хорошо известный прием коммуникации угрозы. Сначала следует, не жалея красок и образов, обозначить опасность и мрачные последствия определенной ситуации для какой-либо социальной группы, а затем указать на наиболее приемлемый для автора способ выхода из кризисной ситуации²⁵. Выходом из положения эти и другие авторы видели расселение жилых подвалов и решение жилищного вопроса силами городских управлений, так как частной инициативы оказывалось недостаточно²⁶. Общественное мнение и сплетни, тем более опубликованные в газете, долгое время оставались главным рычагом социального контроля в городе²⁷. Журналисты публично и зло предъявляли претензии Городской думе за ее бездействие. Гласные хоть и обсуждали вопрос защиты города от наводнений, но дальше дискуссий дело не шло²⁸. К слову, теми же словами: «стихия» и «опасность», приходящая с моря, — наводнения описывались и в 1970–1980-х гг.²⁹, но уже с целью легитимации дорогостоящего строительства ленинградской дамбы как единственной защиты и решения старой проблемы³⁰.

Одним словом, наводнения и эпидемии в дореволюционном Петербурге были скорее привычными. Они не становились катализаторами значительных изменений и не привели ни к строительству защитных сооружений от наводнений, ни к радикальной модернизации городского хозяйства, ни даже к расселению затопляемых подвалов. Те или иные наводнения и эпидемии публично обсуждались как катастрофы, и присвоение событию такого статуса было обусловлено интересами какой-либо социальной группы. Что было катастрофой для бедноты — обсуждал условный средний класс скорее в целях благотворительности. А что было трагедией и для условного среднего класса — далеко не всегда замечали аристократы. Как наводнения, так и эпидемии до революции как будто были частью системы, которую совсем не спешили менять.

Катастрофическое наводнение 23 сентября 1924 года

Наводнение, с которым столкнулась советская власть вскоре после Гражданской войны, было катастрофическим по гидрологическим меркам и произвело самые значительные разрушения³¹. Казалось бы, оно и стало катализатором масштабных изменений, по крайней мере в структуре управления городским хозяйством. Вскоре началось строительство общегородской сплавной канализации и серьезная работа над проектами защитных сооружений от наводнений (1925). Очевидно, однако, что реальным катализатором стала не сама катастрофа 1924 г., а цели и задачи новой власти — приступить к решению проблем городского хозяйства в Петрограде и Москве (1918)³². Катастрофическое наводнение 1924 г. стало, с одной стороны, трагедией и жестоким вызовом для жителей, городской промышленности, городских властей. А с другой стороны — прекрасным окном возможностей для реализации строительства сразу нескольких городских коммунальных сетей.

Годы Первой мировой войны и революции негативно сказались на всех городских сетях, и уже в начале 1918 г. большевики вынуждены были производить масштабные ремонтные работы. Теперь за благоустройство города в самом широком смысле отвечала государственная организация при Петроградской городской управе (городской исполнительной власти)³³ под названием Отдел городского хозяйства (апрель 1918), в ближайшем будущем — Отдел коммунального хозяйства (далее — ОТКОМХОЗ). Принципиально новым в сфере городского хозяйства стало создание одной мощной разветвленной организации, заведовавшей проектированием, строительством и эксплуатацией всех городских сетей и сооружений. Ранее одной лишь эксплуатацией канализационных систем заведовали более шести независимых организаций. Этот переход в управлении канализационными коммуникациями (правительственной, домовая и пр.) был долгим и затратным. Весь период 1918–1925 гг. шло конструирование новой структуры общего учреждения, принципов институционального взаимодействия между отделами, а также Петросоветом. Например, в 1922 г. работы по прокладке канализации контролировала Техническая комиссия секции коммунального хозяйства Петросовета нового созыва. Она имела право осматривать все строительные работы и документацию к ним³⁴. Важной временной цензурой в истории становления городского хозяйства стала «военная тревога 1927 г.», когда стало вполне ясно, что Вторая мировая война неизбежна. Тогда проекты городской инфраструктуры стали замораживаться, а средства передавались на нужды оборонной промышленности. Кроме того, кризис внес серьезные изменения в управление знаниями и производственную культуру структур городского хозяйства в сторону повышенной секретности и постепенного приближения трудовой дисциплины к армейской³⁵. К 1927 г. ОТКОМХОЗ находился под прямым контролем ОГПУ, имевшего свои филиалы (спецотделы, спецбюро, секретные отделы) в каждом тресте³⁶.

Наводнение 23 сентября 1924 г. не произвело подобного кристаллизующего действия на городское хозяйство, даже несмотря на серьезные разрушения в городе, где коммунальные сети и без того требовали ремонта и модернизации. Однако же принципиально новой в данном случае стала ответственность за все сферы жизни города во время наводнения и при его ликвидации, которую государство полностью взяло на себя. Милиция обеспечивала порядок и безопасность, борьбу со спекулянтами, осуществляла мобилизацию всего городского населения на общественные работы, патрулирование улиц во избежание хулиганства и мародерства³⁷. Промышленные предприятия и другие организации были ответственны за распределение техники и рабочей силы для ликвидации последствий наводнения³⁸. Эти меры оставили сословный характер наводнений в прошлом. Жалобы в милицию на то, что власти уделяют внимание центральным улицам в ущерб окраинным, возможно, были как раз рассчитаны на скорейшее исправление несправедливости. То есть наводнение 1924 г., в от-

личие от всех предыдущих, имело общегородской, внесловный и нерутинный характер.

Официально его называли стихийным бедствием, в то время как значение слов «катастрофа» и «несчастье» девальвировало до значения «несчастный случай». В милицейских сводках стояло: «...несчастий с людьми и животными не происходило», «...в момент наводнения особых крупных катастроф не было»³⁹. То есть, по-видимому, катастрофизация события не имела большого смысла — так же как и обращение к полупериферийности, т. е. к сравнению с европейскими городами не в пользу российских с целью побуждения городских властей к благоустройству⁴⁰. Действительно, в случае необходимости воздействовать на власти можно было иным способом. Горожане направляли жалобы прямо в милицию, ОТКОМХОЗ или в газету. Такая публикация в прессе обязывала, например, заведующего почтой публично оправдываться и заверять, что в дни наводнения все сотрудники почты и охранники находились на своих рабочих местах, боролись с прибывающей водой, спасали почтовые посылки и бумаги, а корреспонденция не могла быть доставлена вовремя из-за того, что улицы стали непроезжими и приходилось разносить ее в пешем порядке⁴¹.

К ликвидации последствий наводнения подошли очень серьезно — и это касалось не только помощи оставшимся без крова, как при Александре I. Уже 25 сентября председатель ВЦИК М. И. Калинин направил Ленинградскому губисполкому телеграмму, где заверил его в помощи и поддержке со стороны центральной власти и «всего населения СССР» при ликвидации последствий катастрофического наводнения⁴². В ноябре 1924 г. был выпущен почтово-благотворительный выпуск почтовых марок «Пострадавшему от наводнения Ленинграду»⁴³. Все это говорило о выделении значительных денежных инвестиций для предприятий, организаций и городской инфраструктуры Ленинграда, пострадавших от наводнения.

Эти особые средства дали серьезную возможность отремонтировать и построить заново городские сети независимо от того, пострадали они от наводнения или нет. Причем, судя по официальному порядку отчета о выделенных средствах, такая возможность была изначально заложена в финансовых документах, т. е. власти шли на это вполне осознанно. Итак, порядок для всех организаций, учреждений и промышленных предприятий был относительно един. Сначала всем подотделам и управлениям ОТКОМХОЗа, равно как и другим организациям, например частям Ленинградского военного округа и морского ведомства⁴⁴, в Электротехнический трест заводов слабого тока⁴⁵ был направлен приказ от Ленинградского губернского исполнительного комитета о срочном составлении смет об убытках, а для разбора этих материалов — о создании особой комиссии⁴⁶. ОТКОМХОЗу предполагалось выделить специальные средства для производства работ по восстановлению разрушений, причиненных наводнением 23 сентября 1924 г., а также пополнения запаса попорченных

и уничтоженных материалов (распоряжение от 26 сентября 1924 г.). Эти экстренные расходы требовали особого порядка учета, т.е. составления отдельных документов. На них, а также на расходных ордерах Счетно-финансового отдела проставлялся особый штамп «За счет особого фонда на восстановление Ленинграда от последствий наводнения». Позже все подотделы и управления ОТКОМХОЗа получили циркуляр от Ленинградского губисполкома о формах отчета, оправдательных документах и сроках их подачи в Финансово-счетный подотдел⁴⁷. Эти отчеты тщательно проверялись, и, бывало, подателям отказывали в отпуске денег на основании того, что средства не имели никакого отношения к восстановлению объектов после наводнения⁴⁸. Из средств Особого фонда по ликвидации последствий наводнений производились закупка материалов, расходы на транспорт и выплачивалась заработная плата сотрудникам за сверхурочные часы работы. Например, очень интенсивно работала Особая комиссия для восстановления электроснабжения в Ленинграде (24 сентября — 1 октября 1924 г.), т.е. сразу после наводнения. Однако же техники кабельной сети не сразу получили положенное вознаграждение и были вынуждены даже написать об этом специальное заявление. Там они указывали на свой экстраординарно плотный график в дни наводнения и на опасность для жизни при работе с проводами в условиях контакта с водой⁴⁹.

Впрочем, в документах по ликвидации последствий наводнения была и совершенно особая статья — производство новых ремонтных работ, не предусмотренных сметой расходов ни на 1923/1924 г., ни на 1924/1925 г. Эта статья не учитывала ремонт повреждений от наводнения. Так называемые новые ремонтные работы в отчетах следовало указывать особо (распоряжение от 4 ноября 1924 г.). Они стали прекрасной возможностью для городского хозяйства Ленинграда достроить и отремонтировать то, на что не доставало сил и средств раньше. Например, в городской водопроводной сети за счет этой статьи решено было достроить фильтры на Главной водопроводной станции, перекрыть крышу, исправить стояк на дне р. Невы у водоприемника 48-й трубы⁵⁰. Подобные работы можно найти во всех сферах городского хозяйства.

Уникальный шанс благодаря этой статье расходов получили ленинградские улицы, особенно удаленные от центра города. Они ждали ремонта еще с дореволюционных времен и были очень запущенными. Незавидное положение рабочих кварталов в городе иллюстрирует сухой документ коммунальных служб «Сметы и объяснительные записки по плану канализационных работ на 1922 год». Если составить карту, то все проблемные места смещены от Невского проспекта, центра города, к окраинам. Исключение составляет лишь Малая Конюшенная улица⁵¹. Улицы и ливневая канализация десятилетиями требовали срочного ремонта. Решение об этом было вынесено городскими властями после вмешательства Столыпина (1911–1912), но к работам удалось приступить лишь в 1921–1922 гг.⁵² Промедление сложно объяснить Первой мировой войной, ведь военные действия были удалены

от Петербурга. Скорее, дело в распределении финансов, а также в том, что работы не входили в разряд строго обязательных для тех, кто принимал ответственные решения.

После революции ремонтным работам не помешали ни Гражданская война, ни интервенция, ни голод и разруха начала 1920-х гг. Тем не менее и они не довели город до совершенства. Хронически не хватало средств. В период НЭПа даже планировалось восстановить дореволюционную мостовую повинность. Это был особый налог с горожан, на средства которого можно было бы продолжать ремонтные работы (1923) — главным образом, закупать бетонные трубы⁵³. Но делу помогло катастрофическое наводнение 1924 г.

Далеко не все улицы были залиты водой, но часть особенно сложных объектов решено было включить в смету по ликвидации последствий наводнения как пострадавшие от стихии. Этот вопрос согласовывался между инстанциями и ответственными лицами, и перенос средств совершался вполне официально. Таким образом удалось провести, в том числе, засыпку речки Таракановки, что протекала в рабочем районе Нарвской заставы и по качеству воды вполне оправдывала свое неприятное название. Все нечистоты окрестных кварталов десятилетиями сливались туда, давно превратив ее узкое русло в клоаку. Дабы защитить здоровье местных жителей, ее решено было заключить в большую бетонную трубу и сделать впоследствии частью городской канализации⁵⁴.

Одним словом, катастрофическое наводнение стало мощным вызовом для нового городского хозяйства Ленинграда, а также окном возможностей для ремонта и достройки городских сетей — прежде всего ремонта городских улиц. Условием для быстрой модернизации Ленинграда в таких тяжелых условиях стала полная ответственность государства и общесоюзный сбор средств для ликвидации последствий наводнения. Важным было решение включить туда не только объекты, непосредственно пострадавшие от бури и затопления, но и те, что позволяли создать целостную инфраструктуру городских сетей крупного промышленного города. Стихийное бедствие, несомненно, сыграло консолидирующую роль для ОТКОМХОЗа, промышленных предприятий и горожан. Однако же нельзя сказать, чтобы оно стало катализатором для масштабных изменений в самой структуре управления городским хозяйством или определяющей вехой в его развитии. Более серьезное значение имело изначальное решение властей строить городские инфраструктуры, сформировав для этого единую организацию ОТКОМХОЗ. А позже городское хозяйство изменила «военная тревога 1927 г.» и связанная с ней переориентация экономики СССР на подготовку к войне. Катастрофическое наводнение 1924 г. при всем масштабе разрушений воспринималось скорее как вызов, нежели как катастрофа благодаря подготовленной структуре ликвидации последствий стихийного бедствия и отсутствию коммуникативной необходимости в «катастрофизации» бедствия.

- ¹ *Kreps G. A.* Disaster as Systemic Event and Social Catalyst // What is a Disaster? A Dozen Perspectives on the Question / Ed. E. L. Quarantelli. London, 1998. P. 25–50.
- ² *Рахманова Л.* Испытание — адаптация — укоренение: осмысление и воплощение понятий на Севере и в Сибири // Пути России. Т. XXIV: 1917–2017: Сто лет перемен. М., 2017. С. 230.
- ³ *Rousinova O.* Lisbon and Petersburg: to the problem of mirroring eschatological concepts // Iberian and Slavonic Cultures. Contact and Comparisons / B. E. Cieszyńska (ed.). Lisbon, 2007. P. 302–314; *Ananieva A., Haaser R.* Wasserströme und Textfluten. Die Überschwemmungskatastrophen 1824 in St. Petersburg und 1838 in Ofen und Pesth als Medienereignisse in der deutschsprachigen Prager Presse // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2014. Bd. 62, Hf. 2. S. 180–214.
- ⁴ *Coumel L., Elie M.* (eds.) A Belated and Tragic Ecological Revolution: Nature, Disasters, and Green Activist in the Soviet Union and Post-Soviet States, 1960s–2010s. // Special issue of Soviet and Post-Soviet Review. 2013. Vol. 40. No. 2.
- ⁵ *Киприянов В. А.* Критический обзор проектов для предохранения С.-Петербурга от наводнения. СПб., 1858.
- ⁶ *Малинова-Тзиафета О.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013. С. 120–156.
- ⁷ Высочайший рескрипт действительному тайному советнику, члену Государственного Совета, сенатору и кавалеру князю Куракину // Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1824. 15 ноября. № 46. С. 1007–1008.
- ⁸ *Беспятых Ю. Н.* Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013. С. 66–69.
- ⁹ *Киприянов В. А.* Критический обзор проектов для предохранения С.-Петербурга от наводнения. С. 9.
- ¹⁰ «Несчастье» как синоним слова «катастрофа» см., например: Крещенская катастрофа в Тифлисе // Новости и Биржевая газета. 1892. 16 января. С. 3; «Новое Обозрение» сообщает подробности о катастрофе на Закавказской железной дороге // Новости и Биржевая газета. 1892. 17 января. С. 3.
- ¹¹ *Беспятых Ю. Н.* Наводнения в Петербурге Петра I. С. 133–134.
- ¹² *Малова Т. И., Родионов А. А.* Катастрофическое наводнение Невы 1721 г. (к 300-летию события) // Фундаментальная и прикладная гидрофизика. 2021. Т. 14. № 4. С. 111–118.
- ¹³ *Беспятых Ю. Н.* Наводнения в Петербурге Петра I. С. 133–134.
- ¹⁴ *Малова Т. И., Родионов А. А.* Катастрофическое наводнение Невы 1721 г. С. 112.
- ¹⁵ *Bater J. H.* St. Petersburg. Industrialization and Change. London, 1976. P. 402–403.
- ¹⁶ *Petersen H.-C.* An den Rändern der Stadt? Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850–1914). Wien; Köln; Weimar, 2019. S. 57–67, 132, 180.
- ¹⁷ Из Сандомира // Новости и Биржевая газета. 1892. 27 февраля. С. 3.
- ¹⁸ *Evans R. J.* Tod in Hamburg: Stadt, Gesellschaft und Politik in den Cholera-Jahren (1830–1910) / Aus dem Englischen von Klewer K. A. Hamburg, 1996. S. 593, 706–707.
- ¹⁹ *Bater J. H.* Modernization and Public Health in St. Petersburg (1890–1914) // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1985. Vol. 37. P. 364–366.
- ²⁰ Внутренняя почта // Новости и Биржевая газета. 1892. 22 февраля. С. 3; Внутренняя почта. Нижний Новгород // Новости и Биржевая газета. 1892. 12 марта. С. 3.
- ²¹ *Bater J. H.* St. Petersburg. P. 268; *Lenger F.* Metropolen der Moderne: Eine europäische Stadtgeschichte seit 1850. München, 2013. S. 50–51, 57–58; *Zimmermann C.* Die Zeit der Metropolen. Urbanisierung und Großstadtentwicklung. Frankfurt am Main, 1996. S. 18f.
- ²² Наводненные подвалы // Петербургский листок. 1872. 15 апреля.
- ²³ Наводнение // Новости и Биржевая газета. 1903. 13 (26) ноября. С. 2.
- ²⁴ Пожары в Одессе // Там же. 1892. 20 января. С. 3; Довольно редкий по своим размерам пожар // Там же. 1892. 22 января. С. 3; Наводнение. Похоронный звон // Там же. 1903. 13 (26) ноября. С. 2.
- ²⁵ *Werner S.* Bedrohungskommunikation. Eine gesellschaftstheoretische Studie zu Sicherheit und Unsicherheit. Wiesbaden, 2008.
- ²⁶ *Гр. С-вв.* Жилищный вопрос // Новости и Биржевая газета. 1903. 3 (16) ноября. С. 3.

- ²⁷ Society: Collective Behavior, News and Opinion, Sociology and Modern Society. The collected papers of Robert Ezra Park / Ed. E. C. Hughes. Glencoe: Free Press, 1955. P. 93; Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу. С. 84.
- ²⁸ Наводнение // Новости и Биржевая газета. 1903. 13 (26) ноября. С. 2–3.
- ²⁹ Григорьев А. «Смирись, стихия!» // Неделя. 1979. № 34 (1014); Антонов П. А. Извечный спор города с морем. История проектов защиты города на Неве от наводнений // Ленинградская панорама. 1984. № 5. С. 31–33; Михайлов В. Опасность приходит с моря // Знание — сила. 1978. № 5. С. 38–40.
- ³⁰ Тзиафетас Г. Старая проблема, современное решение: наводнения и поиск защиты от них в Санкт-Петербурге/Ленинграде (1703–1924) // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 36–47.
- ³¹ Богданов В. И., Малова Т. И. 1) О высоте катастрофического наводнения Невы 1924 года // Доклады Академии наук. 2009. Т. 427, № 3. С. 394–396; 2) О двух оправдавшихся прогнозах катастрофических наводнений Ладожского озера и дельты Невы в 1924 году // Доклады Академии наук. 2013. Т. 449, № 3. С. 346.
- ³² Известия Петроградского городского общественного управления. 1918. 5 июня (23 мая). С. 3.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-3167. Оп. 1. Д. 99. Л. 1, 4 — 4 об.
- ³⁵ Malinova-Tziafeta O. The Great Break 1927–28 and Knowledge Management for a Modern Sewer System in Petrograd/Leningrad (1918–1928) // Water History. 2023. Vol. 15. P. 221–246. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12685-022-00316-9> (date of access: 10.12.2024).
- ³⁶ Малинова-Тзиафета О. 1) Контроль спецслужб в коммунальном хозяйстве Ленинграда и борьба за дисциплину (1918 — первая половина 1930-х гг.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 4. С. 947; 2) Контроль ОГПУ — НКВД: Иностранцы специалисты и представители нетитульных народов в тресте «Водоканализация» (1918 — первая половина 1930-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 126–138.
- ³⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 106. Д. 524. Л. 58.
- ³⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-1516. Оп. 9. Д. 22. Л. 9.
- ³⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 106. Д. 524. Л. 69, 70, 102, 114.
- ⁴⁰ Malinova-Tziafeta O. Semi-peripheral discourse and water infrastructure in St. Petersburg/Leningrad (1864–1927) // Die Moderne Stadtgeschichte. 2022. No. 2. S. 131–149.
- ⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 947. Оп. 4. Д. 63. Л. 12, 13, 32.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 102. Д. 291. Л. 517, 518.
- ⁴³ Громов Ю. В. Методическая разработка коллективного филателистического экспоната «Филателия — вспомогательная историческая дисциплина» // Активизация познавательной деятельности студентов в обучении средствами филателии. Опыт участия в Межрегиональной филателистической выставке «Петербургский вернисаж. Неделя почтовых коллекций — 2017» г. Санкт-Петербург, 10–15 октября 2017 г. / Под ред. Ю. В. Громова. Казань, 2017. С. 47–54.
- ⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7561. Оп. 1. Д. 3.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 531.
- ⁴⁶ Там же. Д. 67. Л. 29, 30, 31 — 31 об., 33, 34.
- ⁴⁷ Там же. Ф. Р-899. Оп. 4. Д. 134. Л. 4, 4 об., 30.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-3178. Оп. 1. Д. 274. Л. 95 — 95 об.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Р-1842. Оп. 2. Д. 430. Л. 12, 13, 30, 31, 36.
- ⁵⁰ Там же. Ф. Р-3191. Оп. 1. Д. 252. Л. 8, 9, 24.
- ⁵¹ Там же. Ф. Р-3167. Оп. 1. Д. 87. Л. 55–59.
- ⁵² Там же. Л. 15.
- ⁵³ Там же. Д. 104. Дело Управления канализацией и мостовых Петрограда. Переписка о привлечении населения города к ремонту мостовых. 10 января 1923 — 22 августа 1923.
- ⁵⁴ Там же. Д. 138. Смета на работы по исправлению повреждений, причиненных наводнением на 1924/1925 год. Л. 29.

References

- Bater, J. H. Modernization and Public Health in St. Petersburg (1890–1914). In *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 1985. Vol. 37, pp. 357–372.
- Bespyatykh, Y. N. *Navodneniya v Peterburge Petra I* [Inundations in Peter I's St Petersburg. In Russ.]. St Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 2013. 406 p.
- Bogdanov, V. I., Malova, T. I. O dvukh opravdavshikhnya prognozakh katastroficheskikh navodnenii Ladozhskogo ozera i del'ty Nevy v 1924 godu [On Two Justified Forecasts of Catastrophic Floods of Lake Ladoga and the Neva Delta in 1924. In Russ.]. In *Doklady Akademii nauk*. 2013. Vol. 449. No 3, p. 346.
- Bogdanov, V. I., Malova, T. I. O vysote katastroficheskogo navodneniya Nevy 1924 goda [On the Height of the Catastrophic Flood of the Neva in 1924. In Russ.]. In *Doklady Akademii nauk*. 2009. Vol. 427. No 3, pp. 394–396.
- Evans, R. J. *Tod in Hamburg: Stadt, Gesellschaft und Politik in den Cholera-Jahren (1830–1910)* / aus dem Englischen von Klewer K. A. Hamburg, 1996.
- Gromov, Yu. V. (ed.) Metodicheskaya razrabotka kollektivnogo filatelisticheskogo eksponata “Filateliya – vspomogatel'naya istoricheskaya distsiplina” [Methodical Development of the Collective Philatelic Exhibit “Philately is an Auxiliary Historical Discipline”]. In Russ.]. In Gromov, Yu. V. (Ed.) *Aktivizatsiya poznavatel'noi deyatel'nosti studentov v obuchenii sredstvami filatelii. Opyt uchastiya v Mezhtsele'noi filatelisticheskoi vystavke “Peterburgskii vernisazh. Nedelya pochtovykh kolleksii – 2017” g. Sankt-Peterburg, 10–15 oktyabrya 2017 g.* Kazan, OOO „Buk“, 2017, pp. 47–54.
- Lenger, F. *Metropolen der Moderne: Eine europäische Stadtgeschichte seit 1850*. München, C. H. Beck, 2013.
- Malinova-Tziafeta, O. Y. *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From City to Dacha: Sociokultural Factors of Development of Dacha Belt around St. Petersburg. In Russ.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 336 p.
- Malinova-Tziafeta, O. Y. Kontrol' OGPU – NKVD: Inostrannye spetsialisty i predstaviteli netitul'nykh narodov v treste “Vodokanalizatsiya” (1918 – pervaya polovina 1930-kh gg.) [Power of the Secret Services: Foreign Specialists and Representatives of Non-Titular Peoples in the Trust “Vodokanalizatsiya” (1918 – First Half of the 1930s). In Russ.]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series 4, History. Regional Studies. International Relations. 2021. Vol. 26. No 5, pp. 126–138.
- Malinova-Tziafeta, O. Y. Kontrol' spetssluzhb v kommunal'nom khozyaistve Leningrada i bor'ba za distsiplinu (1918 – pervaya polovina 1930-kh gg.) [Power of the Secret Services in Leningrad's Communal Economies in the Fight for Discipline (1918 – the First Half of the 1930s). In Russ.]. In *Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11. No 4, pp. 947–964.
- MALOVA, T. I., RODIONOV, A. A. Katastroficheskoe navodnenie Nevy 1721 g. (k 300-letiyu sobytiya) [Catastrophic Flood of the Neva, 1721 (to the 300th anniversary of the event). In Russ.]. In *Fundamental'naya i prikladnaya gidrofizika*. 2021. Vol. 14. No 4, pp. 111–118. DOI: 10.7868/S2073667321040109
- Petersen, H.-C. *An den Rändern der Stadt? Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850–1914)*. Wien, Köln, Weimar, Böhlau Verlag, 2019. 402 s.
- Rakhmanova, L. Ispytanie – adaptatsiya – ukorenenie: osmyslenie i voploshchenie ponyatii na Severe i v Sibiri [Testing – adaptation – rooting: understanding and embodiment of concepts in the North and in Siberia. In Russ.]. In Pugacheva, M. G., Zharkov, V. P. (Ed.) *Puti Rossii Vol. XXIV: 1917–2017. Sto let peremen*. Moscow, Moskovskaya vysshaya shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, 2018, pp. 227–244.
- Rousinova, O. Lisbon and Petersburg: to the problem of mirroring eschatological concepts. In Cieszyńska B. E. (Ed.) *Iberian and Slavonic Cultures. Contact and Comparisons*. Lisbon: CompaRes, 2007, pp. 302–314.
- Tziafetas, G. Staraya problema, sovremennoe reshenie: navodneniya i poisk zashchity ot nikh v Sankt-Peterburge/Leningrade (1703–1924) [Old Problem, Modern Solution: Floods and Protection in St. Petersburg/Leningrad (1703–1924). In Russ.]. In *Petersburg historical journal*. 2025. No 1, pp. 36–47.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

О. Ю. Малинова-Тзиафета. Катастрофическое наводнение 1924 года и городское хозяйство Ленинграда — была ли катастрофа? // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 23–35

Аннотация: В статье подробно исследуется вопрос об употреблении слова «катастрофа» и его синонима «несчастье» по отношению к наводнениям и эпидемиям в Петербурге/Ленинграде и трансформации его значения применительно к катастрофическому наводнению 1924 г. Оказывается, что до революции как наводнения, так и эпидемии воспринимались скорее как рутина и часть системы, которую не спешили менять. Стратегия преодоления последствий наводнений в корне изменилась благодаря воле новой власти строить городские инфраструктуры и коллективно, на уровне всей страны, бороться с бедствиями. Само наводнение 1924 г. стало не катализатором изменений, порожденных катастрофой, но вызовом для Кремля, ленинградских городских властей, ленинградской милиции и Отдела коммунального хозяйства Ленинграда. Кроме того, именно наводнение стало окном возможностей для того, чтобы качественно отремонтировать и модернизировать городские сети, особенно водопровод, канализацию и дорожное покрытие. Все эти сети следовало ремонтировать еще до революции, особенно удаленные от центра города. Однако средства на это нашлись лишь благодаря общесоюзной помощи Ленинграду, пострадавшему от стихийного бедствия.

Ключевые слова: наводнение 1924 г. в Ленинграде, городское хозяйство, канализация, водопровод, дорожное покрытие, ремонт улиц, государственное финансирование городского хозяйства, сметы на ремонт, повреждения от наводнения, ликвидация последствий наводнения, катастрофа, несчастье, стихийное бедствие, эпидемии, дореволюционный Петербург, Ленинград.

FOR CITATION

O. Yu. Malinova-Tziafeta. The catastrophic flood 1924 and the urban economy of Leningrad — was there a catastrophe? // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 23–35

Abstract: The article examines the use of the word “catastrophe” in relation to the floods and epidemics in St. Petersburg/Leningrad, and analyses the transformation of its meaning in relation to the catastrophic flood of 1924. The study shows that prior to the revolution, both floods and epidemics were perceived rather as routine and part of state and urban order that was in no hurry to change. However, the flood of 1924 served as a catalyst for change, prompting the Soviet government to take decisive action. The flood presented a challenge to the Kremlin, the Leningrad city authorities, the Leningrad police and the Department of Public Utilities of Leningrad, and led to the implementation of new strategies for combating disasters. The flood also presented a significant opportunity to undertake comprehensive repairs and modernisation of urban infrastructure, particularly water supply, sewerage, and road surfaces. Prior to the revolution, these networks, particularly those located beyond the city centre, should have been subject to repairs; however, financial resources for these endeavours were only made available through the all-Soviet-Union assistance to Leningrad, which itself was grappling with the aftermath of a natural disaster.

Key words: catastrophic flood 1924, public utilities, sewage system, water supply, pavements, street renovation, state fundings for urban economy, flood damage, catastrophe, disaster, epidemics, St. Petersburg before revolution, Leningrad.

Автор: Малинова-Тзиафета, Ольга Юрьевна — к. и. н., научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка») (Москва, Россия).

Author: Malinova-Tziafeta, Olga Yurievna — PhD in History, Research Fellow, The Moscow School of Social and Economic Sciences (“Shaninka”) (Moscow, Russia).

E-mail: o_malin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3922-8091